

Предисловие к английскому переводу романа «Машенька» («Магу»)

«Машенька» был мой первый роман. Я начал работать над ним в Берлине, вскоре после женитьбы, весной 1925 года. К началу следующего года он был кончен и опубликован русским зарубежным издательством «Слово» (Берлин, 1926 г.). Немецкая версия, которой я не читал, вышла через два года в издательстве Ульштейна (Берлин, 1928 г.). Других переводов за этот внушительный сорокапятилетний срок не было.

Хорошо известная склонность начинающего автора вторгаться в свою частную жизнь, выводя себя или своего представителя в первом романе, объясняется не столько соблазном готовой темы, сколько чувством облегчения, когда, отдавшись от самого себя, можешь перейти к более интересным предметам. Это одно из очень немногих общих правил, которые я принял. Читатель моих «Других берегов» (начатых в сороковых годах) не может и в заметить некоторых совпадений между моими и ганинскими воспоминаниями. Его Машенька и моя Тамара — сестры-близнецы; тут те же дедовские парковые аллеи; через обе книги протекает та же Оредежь; и подлинная фотография Рождественского дома, каков он теперь (прекрасно воспроизведенная на обложке Пингвиновского издания «Speak, Memory», 1969 г.), могла бы служить отличной иллюстрацией перрона с колоннами в «Воскресенске» из романа. Я не заглядывал в «Машеньку», когда, спустя четверть века, писал двенадцатую главу автобиографии¹, а теперь, когда в нее заглянул, был поражен что, несмотря на выдуманные эпизоды (как, например, с деревенским хулиганом или свидание среди светляков в безыменном городке), настойка личной реальности в романтизированном рассказе оказалась крепче, чем в строго-правдивом

автобиографическом изложении. Сначала я дивился, как это возможно, чтобы трепет и аромат уцелели, несмотря на требования фабулы и нарочитость вымыщленных персонажей (из которых двое даже появляются — довольно искусственно — в Машенькиных письмах), особенно потому, что я не мог поверить, чтобы изощренная имитация могла соперничать с голой правдой. Но объясняется это в сущности совсем просто: по возрасту Ганин был в три раза ближе к своему прошлому, чем я к своему в «Других берегах».

Из-за того что Россия так неимоверно далека, а тоска по родине остается на всю жизнь твоей безумной спутницей, с патетическими причудами которой привыкаешь мириться при чужих, я не стыжусь признаться, что в моей привязанности к моей первой книге есть доля болезненной сантиментальности. Ее изъяны — следствия неискушенности и неопытности — на которые любой придирчивый обвинитель укажет с небрежной легкостью, искупаются для меня (а в этом деле, в этом трибунале, я единственный компетентный судья) некоторыми эпизодами (выздоровление, концерт в риге, катанье на лодке), которые, если бы мне это вовремя пришло в голову, надо было бы чуть ли не целиком перенести в позднейшую из двух книг. Поэтому я понял в самом начале моего сотрудничества с г. Гленни² (соавтором английской версии романа. — Г. Б.), что наш перевод должен быть верен оригиналу в той же самой мере, в какой я бы настаивал на этом, если бы текст был не моим. Здесь и речи не могло быть о беспечных, самовольных улучшениях, которые я позволил себе в английском издании хотя бы «Короля, дамы, валета». Единственные уступки, которые я счел необходимым сделать в трех-четырех местах, сводятся к кратким утилитарным фразам, разъясняющим русские бытовые подробности (своему брату-эмигранту очевидные, но непонятные иностранному читателю), да еще к переводу дат с ганинского Юлианского календаря на общепринятый Григорианский (так что его конец июля соответствует нашей второй неделе августа и т. д.).

Я должен закончить это предисловие следующими судебными предписаниями. Отвечая на один из вопросов Алины Тальми в интервью, опубликованном в журнале «Vogue» (1970 г.), я сказал, что «не список событий жизни писателя составляет самую существенную часть его биографии, но история его стиля. Только при таком подходе можно верно судить о взаимоотношении (буде таковое имеется) между моей первой героиней и позднейшей Адой»³. Могу сказать прямо, что его и вовсе не

существует. Другое мое замечание касается шарлатанского ве-роучения, которое кое-где все еще горячо проповедуется. Хотя какой-нибудь осел и станет утверждать, что крупный апельсин формой напоминает женскую грудь, я бы не советовал членам венской делегации терять драгоценное время, психоанализи-руя сон Клары в конце четвертой главы предлагаемой книги.

Монтрё, 9 января 1970

Перевел с английского
Геннадий Барабтарло
совместно с Верой Набоковой

